

Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сущности криминалистической характеристики преступления, ее необходимости и месте в криминалистической методике. Отношение научного сообщества к этой научной категории за полвека ее существования пережило радикальные изменения: от восторженного превознесения как универсального средства для раскрытия преступлений до бесполезного «фантома» криминалистики. Однако, вопреки критике со стороны ряда весьма именитых ученых, криминалистическая характеристика преступления из научного оборота не исчезла, прочно обосновавшись в криминалистической методике. Парадокс объясняется ее системной необходимостью в арсенале данного раздела криминалистики. Будучи единственным приемлемым обозначением эмпирических знаний о преступлении и способах его раскрытия, вырабатываемых криминалистикой, криминалистическая характеристика преступления не только составляет ядро частных криминалистических методик, но и определяет структуру всей криминалистической методики как раздела науки. Попытка отказаться от нее приводит к появлению различных субститутов, близких по содержанию, но менее удачных терминологически. В силу названных причин криминалистическая характеристика преступления не может быть отвергнута криминалистикой, несмотря на любую критику. Представляется, что «фантомом» является не сама идея криминалистической характеристики преступления, а метод, которым ее пытались «наполнить». Системно необходимый и удачно названный конструкт был неудачно методологически связан его создателями со статистическими измерениями корреляционных зависимостей между основными криминалистически значимыми признаками преступлений. Однако такие измерения малопригодны для построения частной методики расследования. «Наполнение» криминалистической характеристики преступления актуальными сведениями о преступной деятельности должно обеспечиваться всей совокупностью доступных для эмпирических наук методов, не ограничиваясь лишь статистическими измерениями связей между ее элементами.

Ключевые слова: криминалистическая методика; криминалистическая характеристика преступления; механизм преступления; способ совершения преступления; модель преступления; корреляционные зависимости; эмпирическая наука.

Для цитирования: Ищенко П. П. Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 3. — С. 55—69. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.055-069.

© Ищенко П. П., 2020

* Ищенко Петр Петрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ppischenko@msal.ru

Do We Need a Criminalistic Characterization of a Crime in the Criminalistic Methodology?

Peter P. Ishchenko, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Judicial and Prosecutorial Activity, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ppischenko@msal.ru

Abstract. The paper deals with the essence of criminalistic characterization of the crime, its necessity and role in the criminalistic methodology. The attitude of the scientific community to this scientific category for half a century of its existence has undergone dramatic changes: from enthusiastic exaltation as a universal means of solving crimes to a useless “phantom” of criminalistics. However, despite criticism from a number of highly eminent scholars, criminalistic characterization of the crime has not disappeared from academic intercourse and has firmly enshrined its role in criminalistic methodology. The paradox is explained by its systemic need in the arsenal of this section of criminalistics. As the only acceptable indication of the empirical knowledge of the crime and the ways of its disclosure developed by criminalistics, the criminalistic characterization of the crime not only amounts to core of individual forensic techniques, but also defines the structure of the entire forensic methodology as a branch of the science. Attempting to abandon it leads to the emergence of various substitutes that are similar in content, but less successful with regard to terms. For these reasons, the criminalistic characterization of a crime cannot be rejected by forensics despite any criticism. It seems that the “phantom” is not the very idea of criminalistic characterization of the crime, but the method by which it was “filled.” A systematically necessary and successfully named design was unsuccessfully methodologically connected by its creators with statistical measurements of correlation dependencies between the main criminalistically significant elements of a crime. However, such measurements are unsuitable for a specific investigative methodology. The “filling” of criminalistic characterization with relevant information concerning criminal activity should be provided by the totality of methods available for empirical sciences without being limited to statistical measurements of the links between its elements.

Keywords: criminalistic methodology; criminalistic characterization of a crime; mechanism of a crime; method of commission of a crime; model of a crime; correlation dependencies; empirical science.

Cite as: Ishchenko PP. Nuzhna li kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kriminalisticheskoy metodike? [Do you need a criminalistic characterization of a crime in the criminalistic methodology?]. *Lex russica*. 2020;73(3):55—69. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.160.3.055-069. (In Russ., abstract in Eng.).

Известному австрийскому философу Карлу Попперу принадлежит авторство чрезвычайно простой, изящной и этим весьма привлекательной модели эмпирической науки. Эта модель состоит из трех видов утверждений: конкретных первоначальных условий, конкретных конечных условий и универсально применимых обобщений. Эти три вида утверждений могут быть скомбинированы также тремя способами: универсально применимые обобщения в сочетании с первоначальными условиями дают прогнозы; в сочетании с конечными условиями они дают объяснения; сочетания первоначальных условий с конечными являются испытаниями обобщений¹.

Среди юридических дисциплин, пожалуй, трудно найти науку более эмпирическую, чем криминалистика. За вычетом общетеоретических положений криминалистика представляет собой концентрированный вековой опыт

раскрытия и расследования преступлений. А потому небезынтересно проверить функциональность основных разделов криминалистики как эмпирической науки на предложенной К. Р. Поппером модели.

Так, положения криминалистической техники, примененные в конкретных первоначальных условиях места происшествия путем сопоставления произведенных преступлением изменений в его обстановке и «универсально применимых обобщений» в виде закономерностей механизма следообразования, позволяют субъекту расследования сделать прогноз относительно признаков, которыми должны обладать лица или предметы, оставившие данные следы. Поскольку расследование имеет ретроспективный характер, этот прогноз также имеет характер объяснения, позволяя интерпретировать обнаруженные следы и на основании тех же закономерностей

¹ Поппер К. Р. Логика научного исследования. М. : АСТ: Астрель, 2010. С. 61—65.

восстановить картину происшедшего, способ совершения преступления и черты личности преступника.

В свою очередь, применяя к «конечным условиям», таким как признаки личности установленного преступника, обнаруженных орудий, средств совершения преступления, предметов посягательства и т.д., те же универсально применимые механизмы слеодообразования (например, при производстве судебной экспертизы), субъект расследования получает ответ на вопрос о том, могли ли перечисленные лица и предметы оставить обнаруженные следы. Полученный ответ проясняет картину происшедшего (т.е. является объяснением), даже будучи отрицательным, поскольку позволяет отбросить не подтвердившиеся версии и сконцентрироваться на поиске действительно имеющих отношение к делу лиц и предметов.

В случае если сопоставление «начальных условий» (следовой картины места происшествия) с «конечными условиями» (установленными слеодообразующими объектами) не проясняет картины происшествия, возникает необходимость проверки условий и механизма слеодообразования в данном конкретном случае. Такая ситуация вполне возможна как при необычных условиях совершения преступления (например, природных или технических), так и при использовании преступниками нового, необычного способа совершения преступления.

Сопоставление предполагаемого способа совершения преступления (модели) и механизма слеодообразования в условиях обстановки конкретного места происшествия также позволяет прогнозировать вид и местонахождение еще не обнаруженных следов преступления. Если прогноз о наличии следов не оправдывается, возникает вопрос о правильности рабочей модели расследуемого события либо применяемых (рекомендованных наукой) способов их обнаружения. Так наши конкретные «обобщения» подвергаются «испытанию».

Криминалистическая тактика, исходя из следственной ситуации, предлагает различные рекомендации и тактические приемы, основанные на обобщении следственной практики, положениях уголовного процесса, психологии, других наук, применение которых при производстве следственных действий позволит достичь наилучшего результата. Они также могут рассматриваться как «универсально применимые обобщения», поскольку применимы к не-

ограниченному кругу следственных действий, для повышения эффективности которых они предназначены.

Субъект расследования, исходя из конкретной следственной ситуации, особенностей личности участников планируемого следственного действия и собственного опыта применения тактических приемов и рекомендаций в схожих условиях, может с некоторой вероятностью прогнозировать его результат. Оценивая фактические результаты проведенного следственного действия, он получает объяснение исходной следственной ситуации, сложившейся по делу, и позиций проходящих по нему лиц, а также может оценить эффективность и обоснованность примененных им тактических приемов и рекомендаций.

Следуя логике приведенных демонстраций, в криминалистической методике, интегрирующей в себе достижения всех других разделов криминалистики, все должно обстоять аналогичным образом. Сочетание исходных обстоятельств, известных на момент начала расследования, с обобщениями, универсально применимыми к расследованию данного вида преступлений, должно давать основу для прогнозирования развития следственной ситуации и в целом планирования расследования. Сочетание фактически достигнутых результатов с теми же закономерностями должно прояснять следственную ситуацию. Сопоставление исходной и финальной следственных ситуаций — давать возможность оценить правильность наших «универсально применимых обобщений» о преступлениях данного вида, эффективность и обоснованность избранного нами способа расследования. Остается открытым вопрос: какая из категорий современной криминалистики референтна тем самым «универсально применимым обобщениям» и эмпирическим знаниям, формулировать которые призвана криминалистическая методика? Понятий, претендующих на эту роль, несколько, и научное сообщество далеко от единства в этом вопросе.

Нетрудно заметить, что основной категорией криминалистической техники является след, который является основным предметом изучения, а классификация следов определяет структуру данного раздела науки. Основной категорией криминалистической тактики является следственное действие, установленный уголовно-процессуальным законом перечень которых также определяет и ее структуру. Ответ

на вопрос, что является предметом изучения и системообразующей категорией криминалистической методики, не имеет однозначного ответа.

Так, Р. С. Белкин вообще отрицал наличие у разделов криминалистики собственных предметов исследования, что и отразил в своем определении методики. По его мнению, это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений².

И. А. Возгрин, напротив, полагал, что методика имеет собственный предмет, отличный от предметов криминалистической техники и тактики и соотносящийся с общим предметом криминалистики как часть и целое. По его мнению, методика изучает закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в целях выработки, в соответствии с требованиями процессуального закона, научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению дознания и следствия³.

А. А. Топорков полагает, что основным объектом (так в тексте. — *Прим. авт.*) криминалистической методики является криминалистическая практика, а именно субъект, совершающий преступления, предмет его посягательства, цели и мотивы, средства, время, способы совершения и сокрытия преступлений и т.д.⁴

Представляется, что наиболее верно предмет криминалистической методики обозначен в определении Н. П. Яблокова, которое по содержанию объединяет в себе обе последние позиции. По его мнению, методика изучает криминальный опыт совершения отдельных видов преступлений и следственную практику

их расследования и разрабатывает на основе познания их закономерностей с учетом данных криминалистической техники и тактики систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений⁵.

Следственная практика убедительно свидетельствует о наличии комплекса относительно устойчивых криминалистических признаков, характерных для совершения однородных преступных посягательств. Сведения о характерных способах организации, подготовки, совершения и сокрытия преступлений определенного вида, об оставляемых ими следах, о криминалистически значимых характеристиках преступников, их жертв, об обстановке мест происшествия, прочие сведения, необходимые для их раскрытия и расследования, образуют некую усредненную модель, на основании которой могут быть разработаны научно обоснованные рекомендации, типовые версии, алгоритмы и стратегии эффективного расследования. Эти знания и являются основным продуктом криминалистической методики как раздела эмпирической науки. При этом очевидно, что структура криминалистической методики как научного раздела в общих чертах соответствует Особенной части Уголовного кодекса РФ. Это и понятно, поскольку на каждый состав преступления криминалистика должна предложить методику его раскрытия и расследования.

Очевидно, что подобная усредненная архетипическая модель преступления как методологический конструкт⁶ нуждается в собственном названии. По аналогии с уголовно-правовой характеристикой преступления разумно предложить и криминалистическую, что и было сделано Л. А. Сергеевым и А. Н. Колесниченко

² Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов : в 3 т. 3-е изд., доп. М., 2001. Т. 1. С. 225.

³ Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб. : ЮИ МВД России, 1992. Ч. 1. С. 61.

⁴ Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений : учебник. М. : Юстиция, 2018. С. 12.

⁵ Криминалистика : учебник / под отв. ред. Н. П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 542.

⁶ Конструкт (от лат. construction — построение) — это умозрительное построение, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жестко установленными границами и точно выраженное в определенном языке. Как правило, конструкты оформляются в зоне перехода от эмпирического знания к концептуальному и обратно и выполняют функции перевода между эмпирическими и теоретическими языками и логиками. Они заполняют обнаруженные и непрописываемые пустоты в структуре знания и не имеют самостоятельного значения вне знания, в котором они сконструированы (см.: Новейший философский словарь. Минск : Книжный дом, 1999).

полвека назад⁷. Системно необходимая, логически обоснованная и удачно названная категория была с энтузиазмом встречена научной общественностью. Теперь остро стоял вопрос о ее наполнении практически значимым содержанием.

Сам А. Н. Колесниченко полагал, что полная криминалистическая характеристика должна содержать соответствующую систему признаков и данных о закономерных связях ее элементов и частей с выражением вероятности в процентах. Сокращенная (неполная) криминалистическая характеристика содержит данные так называемой «несчитанной статистики», осмысленной следственной практикой⁸.

Существенное влияние на развитие идеи криминалистической характеристики преступления оказали работы Л. Г. Видонова⁹, который, измерив статистические зависимости между отдельными ее элементами, вывел ряд закономерностей, помогающих выдвигать основанные на них версии в ходе расследования. Ученые-криминалисты тут же пришли к выводу, что сумма таких измерений может стать «ядром» криминалистической характеристики¹⁰, а сама криминалистическая характеристика — основой криминалистической методики и панацеей в раскрытии преступлений.

Следует заметить, что объективные основания для восторженных оценок работы Л. Г. Видонова у научного сообщества имелись: проведенные им количественные измерения, помимо практической ценности, с точки зрения методологии давали надежду на математизацию (и последующую компьютеризацию) процесса раскрытия преступления, который еще вчера нередко именовался искусством.

Однако быстро обнаружилось, что корреляционные зависимости, выведенные Л. Г. Видоновым для Горьковской (ныне Нижегородской) области, работают лишь в ней и в соседних

с ней областях, и не работают на Кавказе, в Сибири, Москве и т.д. Из этого следовал вывод, что для каждого региона нужно проводить свои измерения и, возможно, выявлять и измерять корреляции других параметров. Вместе с тем, как справедливо заметил Р. С. Белкин, никто из криминалистов, продолжавших поддерживать идею о благотворном влиянии выявления корреляционных зависимостей на наполнение криминалистической характеристики, примеру Л. Г. Видонова не последовал. «И это понятно, — писал классик российской криминалистики, — легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними»¹¹.

В отсутствие деятельных последователей идея наполнения криминалистической характеристики преступления корреляционными зависимостями между ее элементами «заглохла». Оставшись без наполнения, криминалистическая характеристика преступления превратилась в фантом, что и было озвучено Р. С. Белкиным¹². Следом за ним сомнения в необходимости этой научной категории зазвучали со всех высот «криминалистического Олимпа». Однако, несмотря на прозвучавшие обвинения, криминалистическая характеристика преступления (далее — КХП) из оборота не исчезла и по сей день часто встречается и в научной литературе, и в практико-ориентированных методиках расследования.

Представляется, что фантомом является не сама идея криминалистической характеристики преступления, а метод, которым ее пытались наполнить. Системно необходимый и удачно названный конструктор был неудачно методологически связан его авторами и их многочисленными последователями со статистическими измерениями корреляционных зависимостей

⁷ Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966 ; Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков. 1967. С. 10, 14.

⁸ Колесниченко А. И., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985. С. 20.

⁹ Видонов Л. Г., Селиванов Н. А. Типовые версии по делам об убийствах : справочное пособие. Горький, 1981.

¹⁰ Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 57.

¹¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма-Инфра-М, 2001. С. 221.

¹² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 220—224.

между основными криминалистически значимыми признаками преступлений.

Однако статистические измерения вообще малопригодны для построения практически применимой частной методики расследования. Корреляция как статистический метод хороша для исследования объектов, условно именуемых «черными ящиками», т.е. таких, внутренняя структура и принципы работы которых неизвестны или недоступны для исследования другими методами. Суть корреляции заключается в том, что если между явлениями $A_1, A_2 \dots A_n$ и $B_1, B_2 \dots B_n$ не установлено причинной связи, однако всегда (или с определенной вероятностью) следом за явлением из ряда A проявляется явление из ряда B , то можно говорить о наличии между ними корреляционной зависимости. Таким образом, корреляция как метод может установить статистическую (вероятностную) связь явлений, однако она неспособна объяснить ни причину, ни механизм данной связи. Это вопрос дальнейшей интерпретации статистических измерений, решение которого может быть намного сложнее, чем получение самих результатов.

Если представить себе идеальный результат применения предлагаемых статистических методов, то КХП, призванная быть ядром частной криминалистической методики, будет представлять собой некий код или формализованный язык, в котором каждой паре (или иной совокупности) признаков преступления будет соответствовать измеренная вероятность их одновременного проявления. Из кибернетики известно, что любое кодирование связано с потерей значительной части информации, а формальные языки, как следует из теоремы Гёделя — Тарского, склонны выдавать формально правильные решения за истинные¹³.

Следственное познание идет путем доказывания, что предполагает наличие непрерывной цепи причин и следствий, объясняющих и логически обуславливающих друг друга. Лишенные объясняющей силы вероятностные данные, полученные путем измерения корреляционных связей, порождают разрыв в причинно-следственной цепи доказывания, а потому в этом смысле не представляют особой ценности. Какое, к примеру, значение для следователя может иметь информация о том, что расследуемое им преступление в 75 % случаев соверша-

ется мужчинами (женщинами, подростками, наркоманами и т.п.)? Практически никакого.

Совокупность подобных измерений может иметь лишь ориентирующее значение в условиях дефицита информации, а потому более интересна оперативному работнику, нежели следователю. Следователь, как верно заметил А. М. Ларин, расследует не преступность, а конкретное преступление¹⁴, он не может предъявить обвинение, а суд — признать виновным и осудить лицо на основании вероятностных выводов. Стандарты судебного доказывания требуют, чтобы вина осужденного была доказана «вне всякого разумного сомнения». Поэтому при наличии выбора между понятным описанием типичного преступления на естественном языке и совокупностью измеренных статистических зависимостей его отдельных элементов следователь всегда предпочтет первое.

Вероятностное знание может стать доказательным только в двух случаях: когда вероятность его вплотную приближается к крайним значениям — к нулю или единице. Это бывает довольно редко, а когда такая зависимость между элементами преступления все же устанавливается, обычно этому находится и логическое объяснение, снимающее необходимость применения вероятностных статистических методов.

Вопрос о месте статистически выявленных закономерностей в связях между элементами преступления в КХП на попперовской модели эмпирической науки может быть интерпретирован следующим образом: пригодны ли «универсальные обобщения», полученные таким путем, для получения доказательного знания? Ответ может быть только отрицательным. Доказательная надежность вывода в умозаключении не может быть большей, чем надежность обосновывающих его посылок. Использование в версионном умозаключении посылки, представляющей собой вероятностное знание, есть частный случай использования неполной индукции. Увеличение числа статистически измеренных закономерностей не способно устранить их вероятностного характера. Именно поэтому герой известного романа Ф. М. Достоевского и вспоминает английскую пословицу: «Изо ста кроликов никогда не составит лошадь, а изо ста подозрений никогда не составит доказательства».

¹³ Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 136—145.

¹⁴ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М. : Бек, 1996. С. 124—125.

Вывод из вероятностного суждения не может быть доказательством, а может быть лишь предположением, которое с некоторой долей вероятности может привести к установлению обстоятельств, указующих на его источник. Из этого не следует, что выявленные путем статистических измерений закономерности связей между различными элементами преступления бесполезны. Вовсе нет: теория и практика знают немало примеров их успешного использования для раскрытия преступлений. Однако такие закономерности не могут составлять основу КХП, поскольку являются не надежным доказательным знанием о преступлении, а лишь его вероятностным субститутом, находящим применение в условиях острого недостатка информации. Этот вывод подтверждается и практикой использования таких данных следователями: они имеют дополнительный, а то и вовсе «справочный» характер; к ним обращаются лишь в случаях, когда возможности построения версий на более надежных основаниях исчерпаны.

Поэтому наполнение криминалистической характеристики преступления актуальными сведениями о преступной деятельности должно обеспечиваться обычными для эмпирических наук методами (наблюдение, описание, сравнение, эксперимент и т.д.), не ограничиваясь лишь статистическими измерениями связей между составляющими ее элементами.

Другое обвинение, выдвинутое в отношении криминалистической характеристики преступления Р. С. Белкиным, состоит в том, что если удалить из нее сведения об уголовно-правовой квалификации преступления и криминологические данные, то в ней останется лишь один действительно криминалистический элемент — способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы. Такая характеристика не дает исчерпывающего ответа на вопрос о специфике предмета доказывания. Кроме того, если в криминалистической характеристике нет ничего, кроме данных о способе преступления, то и само это понятие излишне¹⁵.

Следует заметить, что уголовно-правовая и криминологическая характеристики преступления, равно как и сведения о предмете доказывания, которые (с некоторой долей условности) можно именовать уголовно-процессуальной характеристикой преступления, являются продуктами и категориями смежных уголовно-правовых дисциплин, а потому частью кримина-

листической характеристики преступления не могут быть «по определению». Они обязательно должны включаться в состав методики расследования преступления, готового методического пособия, предлагаемого следователю, поскольку установление отнесенных к ним обстоятельств является целью всего расследования.

В процессе расследования следователю приходится решать не только криминалистические, но и уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, организационные, профилактические, а также иные служебные задачи, определяемые ведомством, по месту прохождения службы. Поэтому методические рекомендации по расследованию какого-либо вида преступлений обычно содержат адресованные следователю нормативные предписания, рекомендации, а также прочую информацию, необходимую для решения перечисленных, а не только криминалистических задач.

Описание элементов КХП как основы частной криминалистической методики, в отличие от признаков состава преступления и обстоятельств, отнесенных к предмету доказывания, должны быть шире по объему содержащейся в них информации, должны содержать известные вариации и закономерности проявления подлежащих установлению обстоятельств, а главное — содержать сведения «технологического» характера относительно приемов и способов их выявления, установления и закрепления.

Ответ на принципиально поставленный Р. С. Белкиным вопрос о том, необходимо ли понятие КХП в криминалистике, или это всего лишь другое название способа совершения преступления, подразумевает ответ на два следующих вопроса:

- 1) всегда ли в основе методики расследования преступления лежит знание о способе его совершения;
- 2) есть ли в структуре КХП что-либо, кроме способа совершения и сокрытия преступления и оставляемых им следов?

Положительный ответ на первый вопрос и отрицательный — на второй будут означать, что введение понятия КХП нарушает общенаучный принцип бритвы Оккама, требующий «не умножать сущностей без крайней необходимости», а потому неоправданно и излишне.

Действительно, все ученые, изучавшие структуру КХП, считали основным ее элемен-

¹⁵ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 222—223.

том способ совершения преступления. В большинстве случаев это верно. Однако, учитывая «обязанность» криминалистики обеспечить частными методиками расследования каждый состав Особенной части Уголовного кодекса, следует заметить, что в нем есть преступления, совершаемые путем бездействия. Способ бездействия не имеет для расследования решительно никакого значения. Для расследования таких преступлений куда больший интерес представляют должностное положение и обязанности виновного, сложившаяся криминогенная ситуация, вред, причиненный бездействием, и способы установления причинной связи между бездействием и наступившими общественно опасными последствиями. Поэтому тезис о «примате способа преступления» нельзя считать безупречным.

Для ответа на второй вопрос следует посмотреть, какие элементы преступления включают в состав КХП другие ученые. Так, по мнению Н. П. Яблокова, криминалистическая характеристика преступления складывается из следующих элементов: субъекты (основные и второстепенные участники деяний), цель, предмет посягательства, само преступное поведение, обстановка и результат. В другом случае он отмечает, что «независимо от вида преступления криминалистически значимые их признаки в характеристике вида и отдельного преступления чаще всего могут содержаться в данных о способе, механизме и обстановке совершения преступления, типологических, поведенческих и иных особенностях субъектов»¹⁶.

И. Ф. Герасимов выделял в структуре КХП следующие структурные элементы, определяющие ее содержание:

1. Распространенность преступного деяния (как фактор, обуславливающий криминалистическую готовность органов расследования).

2. Особенности выявления и обнаружения данных преступлений.

3. Типичные черты самого преступного события и обстановки совершения преступления (объект преступного посягательства, место, время, условия, другие обстоятельства, характеризующие обстановку, выявленные при анализе

уголовных дел данной категории как закономерности или тенденции).

4. Механизм слеодообразования, характерный для данного вида или группы преступных посягательств (сведения о локализации следов, их признаки, виды, сохранность и другие данные, позволяющие более эффективно искать следы и работать с ними).

5. Способ совершения преступления (обусловленный субъективными и объективными факторами комплекс действий субъекта (субъектов) по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния)¹⁷.

А. А. Топорков в состав КХП включает данные:

- 1) о типичных чертах самого преступного события (объект преступного посягательства, место, время, условия и другие обстоятельства, характеризующие обстановку, выявленные при анализе уголовных дел данного вида как закономерности);
- 2) о механизме слеодообразования, характерном для данного вида преступных посягательств;
- 3) о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- 4) об особенностях личности преступника (возрастные, половые, психологические и др.);
- 5) о мотивах и целях совершения преступлений;
- 6) о поведении потерпевшего (виктимологический аспект);
- 7) о связи расследуемого преступления с другими преступными проявлениями;
- 8) о закономерных связях между различными элементами криминалистической характеристики;
- 9) о последствиях преступления и др.¹⁸

Рассматривая данный вопрос, В. М. Мешков отмечает, что специалисты, изучавшие проблемы КХП, включают в ее структуру от 5 до 20 элементов. Большинство из них поддерживают точку зрения о наличии в структуре КХП следующих обязательных элементов:

1. Субъект преступления (субъективные факторы).
2. Ситуация (объективные факторы).
3. Способ совершения преступления.
4. Следы преступления.

¹⁶ Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник. М., 1995. С. 22, 46.

¹⁷ Криминалистика : учебник для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко [и др.] ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М. : Высш. шк., 1994. С. 330—331.

¹⁸ Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. М. : Justicia, 2018. С. 15.

Сам В. М. Мешков также выделяет в структуре КХП указанные четыре основных элемента¹⁹.

Разнообразие элементов КХП, выделяемых различными авторами, с одной стороны, указывает на необходимость индивидуального подхода к разработке КХП различных преступлений, а с другой — не позволяет свести все многообразие выделяемых признаков лишь к способу совершения и сокрытия преступления и оставляемым им следам. Следовательно, отказаться от КХП по мотивам «излишества» данного понятия не получится.

Совокупность эмпирических знаний о преступлении определенного вида, необходимая для построения методики его расследования, нуждается в названии. Криминалистическая методика не может отказаться от этой основополагающей для нее категории вообще — могут быть предложены лишь другие, более или менее удачные ее названия.

Так, наряду с КХП в криминалистике широко используется понятие «механизм преступления»²⁰. Объем данного понятия в трактовке различных авторов может существенно различаться от элемента КХП (см. приведенное выше определение Н. П. Яблокова) до равного ей по объему и составу включенных в него элементов.

А. Н. Васильев под механизмом преступления понимал «процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и нематериальных, могущих быть использованными для раскрытия и расследования преступления»²¹.

По мнению А. М. Кустова, механизм преступления есть система процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соот-

ветствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки²².

По В. А. Образцову, механизм преступления определялся в более абстрактной форме: как «реализуемая в определенных условиях, выражении, направленности и последовательности динамическая система противоправных поведенческих актов и обусловленных ими явлений, имеющих криминалистическое значение».

Р. С. Белкин существенно расширил объем данного термина, включив в него:

- 1) субъект преступления;
- 2) отношения субъекта преступления: к своим действиям, их последствиям, к соучастникам;
- 3) предмет посягательства;
- 4) способ преступления как систему детерминированных действий;
- 5) преступный результат;
- 6) место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления;
- 7) обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления;
- 8) поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными и пассивными) события;
- 9) связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т.п.²³ В предложенной трактовке понятие механизма преступления по объему и фактически сравнялось с криминалистической характеристикой. Однако можно ли заменить одно другим и полностью отказаться от КХП? Можно ли, например, используя понятие «механизм преступления» дать криминалистическое описание группы однородных преступлений, например убийств, совершаемых по

¹⁹ Мешков В. М. Методика расследования преступлений : курс лекций. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 9, 11—17.

²⁰ См., например: Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики. М., 1992. С. 14 ; Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 13 ; Он же. Криминалистика и механизм преступления. М., 2002 ; Он же. Механизм преступления : лекция. Ставрополь, 1995 ; Турчин Д. А. Значение механизма преступления в процессе следообразования // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью : межвузовский тематический сборник. Владивосток, 1986. С. 172.

²¹ Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Васильева. М. : Изд-во МГУ, 1971. С. 7—8.

²² Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления. С. 13 ; Он же. Криминалистика и механизм преступления. С. 178—180.

²³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. С. 87—88.

найму, или хищений в кредитно-финансовой сфере? Описание групповой или родовой криминалистической характеристики любых преступных посягательств не вызывает проблем, что было неоднократно реализовано в научных работах, учебных пособиях и практических рекомендациях.

Напротив, говорить о существовании группового или родового механизма преступления вряд ли возможно. Семантически слово «механизм» четко коннотировано с *modus operandi* преступника, то есть прежде всего со способом совершения преступления, а способы совершения даже однородных посягательств могут быть весьма многочисленны. В силу сказанного механизм преступления всегда будет восприниматься как понятие более узкое, входящее в состав криминалистической характеристики. Характеристика же есть «краткое, но верное описание главных отличительных признаков, свойств чего-либо»²⁴ и в этом смысле лишено смысловых коннотаций, ограничивающих его применение.

Постоянно отсылая пользователя к способу совершения, а не к составу преступления, механизм преступления терминологически не является удачным выбором и на роль основного предмета изучения криминалистической методики, классификация которых могла бы однозначно определять структуру данного раздела науки.

С наиболее последовательной критикой КХП выступил В. Я. Колдин, предлагая взамен нее «типовую информационную модель преступления» (ТИМ)²⁵. В качестве первого недостатка КХП он называет недостаточную гносеологическую определенность данного понятия: является КХП средством, инструментом расследования или же результатом, целью познания при расследовании? Если КХП понимается как «система описания признаков *вида*... преступления», то она представляет собой продукт криминалистики и категорию теоретического познания. Если она понимается как «система описания признаков *отдельного* преступления», то представляет собой продукт практического познания, осуществляемого следователем. Сформированная в результате расследования отдельного

преступления КХП не может служить решению криминалистических задач, а потому бесцельна и нефункциональна²⁶.

На наш взгляд, поставленный вопрос в рамках рассматриваемой нами концепции разрешается довольно просто. КХП как совокупность эмпирических знаний о преступлении определенного вида безусловно и без всякого противоречия является и целью познания, и его средством. Следовательно, раскрыв преступление и расследовав уголовное дело, получает не только «продукт практического познания» в виде доказательственной информации о преступлении в объеме, предусмотренном предметом доказывания, но и опыт, который может быть использован для расследования подобных преступлений в дальнейшем. При этом полученный опыт (как и само уголовное дело, содержащее всю информацию о преступлении) доступен и для практического, и для теоретического уровня исследований. Никакого «смешения правовых задач и фактических результатов расследования» или «подмены одного другим» здесь не происходит: уголовное дело (как решенная на данном уровне правовая задача) уходит в суд, а опыт расследования, доступный в том числе и научному осмыслению, остается. Обобщенные знания об основных характерных и устойчивых признаках преступных посягательств обобщаются и становятся КХП определенного вида преступлений и продуктом криминалистики.

Можно ли на основании опыта расследования одного преступления сформулировать КХП? Конечно! Те, кто полагают, что КХП может быть сформулирована только в отношении *вида* преступных посягательств, не учитывают очевидной возможности, что из всего «вида» (класса явлений) мы будем располагать сведениями лишь об одном таком преступлении. Разве практике неизвестны преступления, совершаемые впервые, каким-нибудь необычным способом? В. Н. Исаенко совершенно обоснованно утверждает о наличии серьезного поискового потенциала криминалистической характеристики отдельного преступления при проверке версии о его «серийном» характере, равно как и криминалистической характеристики серии

²⁴ Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910.

²⁵ Колдин В. Я. Версионный анализ. М. : Юрлитинформ, 2014. ; Колдин В. Я., Ищенко Е. П., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4.

²⁶ Колдин В. Я. Указ. соч. С. 21—23.

преступлений²⁷. Является ли оформленный в виде КХП опыт расследования единственного в своем роде преступления «бесцельным и нефункциональным»? Отнюдь! Он является бесценным, поскольку расследовать дело, пользуясь ранее наработанным опытом, куда проще, чем делать это впервые.

Следует, однако, признать обоснованными замечания В. Я. Колдина и других ученых, что за полвека существования понятия КХП наука не выработала ни общего определения данного понятия, ни общепринятого представления о ее структуре. Так, КХП определяли как информационную модель типичных признаков определенного вида (группы) преступлений²⁸; идеальную модель типичных связей и источников доказательственной информации²⁹; вероятностную модель события³⁰; модельную систему криминалистически значимых сведений описательно-статистического характера, взаимосвязанных тем или иным образом признаков вида, разновидности и группы преступлений³¹ и т.д. Во всех перечисленных определениях обращают на себя внимание два общих момента: все они легко укладываются в общий дискурс и говорят о совокупности основных признаков типичного преступления определенного вида или их группы.

Следует заметить, что абстрагирование от случайных и выделение наиболее значимых и устойчивых признаков наблюдаемого объекта с неизбежностью превращает его в модель, которую, в зависимости от формы реализации и вкуса автора, можно именовать идеальной, информационной, вероятностной и т.д. Однако всякое моделирование преследует определенные цели, а полученная модель должна способствовать их достижению. КХП также предназначена для решения конкретных практических

задач. Эта модель типичного преступления определенного вида или группы предназначена для выработки методики их расследования, а содержащиеся в ней сведения должны предоставлять возможность использовать их для выдвижения продуктивных следственных версий.

Третий недостаток КХП, отмечаемый В. Я. Колдиным, состоит в ее системно-функциональной недостаточности, которая проявляется в том, что ее создатели не разработали принципы и методические требования ее формирования в качестве рабочего инструмента криминалистической методологии³².

В целях устранения перечисленных недостатков предлагается взамен КХП ввести новое понятие — «типовая информационная модель преступной деятельности» (ТИМ), под которой понимается информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений³³. Формирование ТИМ должно осуществляться с учетом строгих требований, таких как:

- 1) оптимальный уровень общности, обеспечивающий выявление закономерных связей между элементами преступного события;
- 2) типовая модель должна представлять собой не сумму отдельных элементов, а целостную систему преступной деятельности, элементами которой являются мотив, цель, программа, способ действия;
- 3) ТИМ должна отражать тесные корреляционные зависимости выделенных в ней элементов с характеристиками личности преступника и способа его действия;

²⁷ Исаенко В. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и ее разновидности // Криминалист. 2014. № 1 (14). С. 41—47.

²⁸ Салтевский М. В. Криминалистическая характеристика: структура, элементы // Специализированный курс криминалистики. Киев, 1987. С. 310; Образцов В. А. Учение о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1995. С. 38; Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. М., Justicia, 2018. С. 14 и др.

²⁹ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Концептуальные положения криминалистической методики // Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 688.

³⁰ Бахин В. П., Гора И. В. «Контркриміналістика» или новые задачи криміналістики // Актуальні проблеми держави та права. Вип. 5. Одесса, 1998. С. 5.

³¹ Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. М., 2000. № 2. С. 5.

³² Колдин В. Я. Указ. соч. С. 25—27.

³³ Колдин В. Я. Указ. соч. С. 31.

- 4) на выходе типовой модели должна содержаться совокупная характеристика преступника и существенных для расследования обстоятельств, а не отдельные признаки искомого лица;
- 5) ТИМ должна обеспечивать получение достаточно надежной информации об искомом лице и иных обстоятельствах расследуемого события;
- 6) правильная оценка и использование модельной информации: наличие типовой модели не должно вести к стереотипности следственной деятельности.

На основе перечисленных принципов В. Я. Колдиным разработана и последовательность операций, необходимых для построения ТИМ, в основе которой лежит выделение элементов преступной деятельности с последующим исследованием связей между ними при помощи вероятностных статистических методов³⁴.

Рассматривая недостатки в разработке понятия КХП, послужившие основанием для создания методологической концепции ТИМ, нельзя не заметить, что ни споры о содержании, ни обсуждение способов построения моделей преступной деятельности не являются достаточными основаниями для введения в научный оборот нового понятия, несущего ту же смысловую и функциональную нагрузку, что и существовавшее ранее. Теоретические споры решаются путем дискуссии, а в прикладной (эмпирической) науке — демонстрацией практических результатов применения отстаиваемой концепции. Введение нового понятия не решает проблему, а всего лишь «создает сущность без крайней на то необходимости».

Применение статистических исследований для установления корреляционных связей между элементами преступной деятельности также не является новым словом в криминалистике. Мы рассматривали этот вопрос выше и остаемся при своем мнении, что возможности применения результатов статистических измерений в методике раскрытия и расследования преступлений сильно переоценены.

Вызывает сомнение и новизна самого понятия «типовая информационная модель», поскольку и криминалистическую характеристику преступления многие ученые понимали и как типовую, и как информационную модель. Анализируя понятие и содержание ТИМ, нельзя не заметить, что «типовая информационная модель» есть разновидность криминалистической характеристики преступления, которой дано авторское определение (и тем «исключен» спор о содержании понятия), а также прописаны принципы и методология ее создания. Этого, однако, недостаточно для признания ТИМ принципиально новым методологическим конструктом и для введения его в научный оборот взамен КХП.

Резюмируя сказанное, можно сделать некоторые выводы. Приведенная в начале статьи модель эмпирической науки позволяет увидеть, что криминалистической методике системно необходимо понятие, обозначающее обобщенные и универсально применимые знания, требуемые для раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений и составляющие ядро частных криминалистических методик. Данная категория также несет нагрузку системного характера, являясь основанием для систематизации самой криминалистической методики как раздела науки. В силу названных причин криминалистическая характеристика преступления не может быть отвергнута криминалистикой, несмотря на любую критику.

Практическое наполнение данного методологического конструкта в частных криминалистических методиках, справедливо подвергнутое критике Р. С. Белкиным, безусловно, требует выработки определенных стандартов приемлемости знаний, используемых для указанных целей. По нашему мнению, возникающие в связи с этим вопросы являются частными проявлениями более общей философской проблемы происхождения и «демаркации» научного знания, неоднократно поднимавшейся К. Р. Поппером в его работах³⁵. Эти непростые вопросы требуют отдельного исследования.

³⁴ См. подробнее: Колдин В. Я. Указ. соч. С. 35.

³⁵ См., например: Поппер К. Р. Логика научного исследования ; Он же. Предположение и опровержение : Рост научного знания : пер. с англ. М. : АСТ: АСТ Москва, 2008.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Концептуальные положения криминалистической методики // Криминалистика : учебник / под ред. Р. С. Белкина. — М., 1999.
2. Бахин В. П., Гора И. В. «Контркриміналістика» или новые задачи криміналістики // Актуальні проблеми держави та права. — Вип. 5. — Одесса, 1998.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М. : Норма-Инфра-М, 2001.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов : в 3 т. — 3-е изд., доп. — М., 2001. — Т. 1.
5. Видонов Л. Г., Селиванов Н. А. Типовые версии по делам об убийствах : справочное пособие. — Горький, 1981.
6. Возгрин И. А. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. — СПб., 1995.
7. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. — СПб. : ЮИ МВД России, 1992. — Ч. 1.
8. Губанищев В. В. Криминалистический анализ механизма преступной деятельности в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2009.
9. Исаенко В. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и ее разновидности // Криминалист. — 2014. — № 1 (14). — С. 41—47.
10. Кирсанов З. И. Криминалистические учения о механизме преступления и его отражении. — М., 1994.
11. Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики. — М., 1992.
12. Колдин В. Я. Версионный анализ. — М. : Юрлитинформ, 2014.
13. Колдин В. Я., Ищенко Е. П., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. — 2006. — № 4.
14. Колесниченко А. И., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. — Харьков, 1985.
15. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967.
16. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. — М. : Высш. шк., 1994.
17. Криминалистика : учебник / под отв. ред. Н. П. Яблокова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2005.
18. Криминалистика : учебник / под ред. Р.С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. — М. : Акад. МВД РФ, 1995. — Т. 1 : Общая и частные теории.
19. Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Васильева. — М. : Изд-во МГУ, 1971.
20. Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления. — М., 2002.
21. Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997.
22. Кустов А. М. Механизм преступления : лекция. — Ставрополь, 1995.
23. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. — М. : Бек, 1996.
24. Мешков В. М. Методика расследования преступлений : курс лекций. — М. : Юрлитинформ, 2013.
25. Образцов В. А. Учение о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. — М., 1995.
26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Азъ, 1994.
27. Пантелеев И. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. — М., 1984.
28. Поппер К. Р. Логика научного исследования. — М. : АСТ: Астрель, 2010.
29. Поппер К. Р. Предположение и опровержение : Рост научного знания : пер. с англ. — М. : АСТ: АСТ Москва, 2008.
30. Салтевский М. В. Криминалистическая характеристика: структура, элементы // Специализированный курс криминалистики. — Киев, 1987.
31. Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. — 1977. — № 2.
32. Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. — М., 1982.
33. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1966.

34. Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии. — 1972. — № 8. — С. 136—145.
35. Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. — М. : Justicia, 2018.
36. Турчин Д. А. Значение механизма преступления в процессе следообразования // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью : межвузовский тематический сборник. — Владивосток, 1986.
37. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — СПб., 1910.
38. Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник. — М., 1995.
39. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2000. — № 2.

Материал поступил в редакцию 5 сентября 2019 г.

REFERENCES

1. Averyanova TV, Belkin RS, Korukhov YuG, Rossinskaya ER. Kontseptualnye polozheniya kriminalisticheskoy metodiki [Conceptual provisions of criminalistic methodology]. In: Belkin RS, editor. Kriminalistika : uchebnik [Criminalistics : A textbook]. Moscow; 1999. (In Russ.)
2. Bakhin VP, Gora IV. «Kontrkriminalistika» ili novye zadachi kriminalistiki. Aktualni problemi derzhavi ta prava. Odessa: 1998;5. (In Ukrainian)
3. Belkin RS. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki [Forensics : the problems of today. Current issues of Russian criminalistics]. Moscow: Norma-Infra-M; 2001. (In Russ.)
4. Belkin RS. Kurs kriminalistiki : uchebnoe posobie dlya vuzov : v 3 t [Forensics Course : A textbook for universities : in 3 vol.]. 3rd ed., Moscow; 2001. (In Russ.)
5. Vidonov LG, Selivanov NA. Tipovye versii po delam ob ubiystvakh : spravocnoe posobie [Typical versions of homicide cases: A reference manual. Gorky; 1981. (In Russ.)
6. Vozgrin IA, Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy [Criminalistic characteristics of crimes]. In: Panteleev IF, Selivanov NA, editors. Kriminalistika : uchebnik [Criminalistics: A textbook]. St. Petersburg; 1995. (In Russ.)
6. Vozgrin IA. Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [Scientific bases of criminalistic methods of investigation of crimes]. St. Petersburg: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1992. (In Russ.)
8. Gubanishchev VV. Kriminalisticheskii analiz mekhanizma prestupnoy deyatelnosti v sfere ekonomiki : dis. ... kand. yurid. nauk [Forensic analysis of the mechanism of criminal activity in the field of economy: Cand. Sci. (Law) Thesis. Nizhniy Novgorod; 2009. (In Russ.)
9. Isaenko VN. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy i ee raznovidnosti [Criminalistic characteristics of crimes and its varieties]. *Kriminalist*. 2014;1(14):41—47. (In Russ.)
10. Kirsanov ZI. Kriminalisticheskie ucheniya o mekhanizme prestupleniya i ego otrazhenii [Forensic doctrines on the mechanism of crime and its reflection]. Moscow; 1994. (In Russ.)
10. Kirsanov ZI. Sistema obshchey teorii kriminalistiki [The System of General Theory of Criminalistics]. Moscow; 1992. (In Russ.)
12. Koldin VYa. Versionnyy analiz [An analysis based on presumptions]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014. (In Russ.)
13. Koldin VYa, Ishchenko EP, Krestovnikov OA. Tipovaya informatsionnaya model ili kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya? [Typical information model or criminalistic characterization of a crime?] *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal*. 2006;4. (In Russ.)
14. Kolesnichenko AI, Konovalova VE. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy [Forensic characteristics of crimes]. Kharkov; 1985. (In Russ.)
15. Kolesnichenko AN. Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdelnykh vidov prestupleniy : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes : Author's Abstract]. Kharkov; 1967. (In Russ.)
16. Gerasimov IF, Drapkin LYa, editors. Kriminalistika : uchebnik dlya vuzov [Forensics: textbook for higher education institutions]. Moscow: Vysshaya shkola; 1994. (In Russ.)
17. Yablokov NP, editor. Kriminalistika : uchebnik [Forensics: A textbook]. 3rd ed., revised. Moscow: Yurist; 2005. (In Russ.)

18. Belkin RS, Kolomatskiy BG, Luzgin IM, editors. Kriminalistika : uchebnik [Forensics: A textbook]. Moscow: Ak ad. MVD RF; 1995.
19. Vasilyev AN, editor. Kriminalistika : uchebnik [Forensics: A textbook]. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1971. (In Russ.)
20. Kustov AM. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya [Criminalistics and the mechanism of crime]. Moscow; 2002. (In Russ.)
20. Kustov AM. Kriminalisticheskoe uchenie o mekhanizme prestupleniya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [A forensic doctrine on the mechanism of crime: Author's Abstract]. Moscow; 1997. (In Russ.)
20. Kustov AM. Mekhanizm prestupleniya : leksiya [A mechanism of a crime: Lecture]. Stavropol; 1995. (In Russ.)
23. Larin AM. Kriminalistika i parakriminalistika [Criminalistics and paracriminalistics]. Moscow: Bek Publishing; 1996. (In Russ.)
24. Meshkov VM. Metodika rassledovaniya prestupleniy : kurs lektsiy [Methods of investigation of crimes : A course of lectures]. Moscow: Yurлитinform; 2013. (In Russ.)
25. Obratstov VA. Uchenie o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy [A Doctrine on criminalistic characterization of crimes]. In: Obratstov VA, editor. Criminalistics. Moscow; 1995. (In Russ.)
26. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 2nd ed., revised. Moscow: Az' Publishing; 1994. (In Russ.)
27. Panteleev IF. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy [Criminalistic characteristics of crimes]. In: Panteleev IF, Selivanov NA, editors. Kriminalistika : uchebnik [Criminalistics: A textbook]. Moscow; 1984. (In Russ.)
28. Popper CR. Logika nauchnogo issledovaniya [Logic of scientific research]. Moscow: AST: Astrel Publishing; 2010. (In Russ.)
29. Popper CR. [An assumption and refutation : The growth of scientific knowledge: transl. from English]. Moscow: AST: AST Moscow; 2008. (In Russ.)
30. Salteviskiy MV. Kriminalisticheskaya kharakteristika: struktura, elementy [Forensic characteristics: The structure, elements]. In: Spetsializirovanny kurs kriminalistiki [Specialized course of criminalistics]. Kyiv; 1987. (In Russ.)
31. Selivanov NA. Kriminalisticheskie kharakteristiki prestupleniy i sledstvennye situatsii v metodike rassledovaniya [Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in the method of investigation]. Sotsiolisticheskaya zakonnost. 1977;2. (In Russ.)
31. Selivanov NA. Sovetskaya kriminalistika. Sistema ponyatiy [Soviet forensics. A system of concepts]. Moscow; 1982. (In Russ.)
33. Sergeev LA. Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy, sovershaemykh pri proizvodstve stroitelnykh rabot : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Investigation and prevention of theft committed during construction works: Author's Abstract]. Moscow; 1966. (In Russ.)
34. Tarskiy A. Istina i dokazatelstvo [Truth and proof]. *Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]*. 1972;8:136—145]. (In Russ.)
35. Toporkov AA. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestupleniy [Forensic methods of investigation of crimes]. Moscow: Justicia; 2018. (In Russ.)
36. Turchin DA. Znachenie mekhanizma prestupleniya v protsesse sledoobrazovaniya [The significance of the mechanism of a crime in the process of making formation]. In: Sovershenstvovanie pravovykh mer borby s prestupnostyu : mezhvuzovskiy tematicheskii sbornik [Improvement of legal measures to combat crime: interuniversity thematic collection]. Vladivostok; 1986. (In Russ.)
37. Chudinov AN. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. St. Petersburg; 1910. (In Russ.)
38. Yablokov NP. Kriminalistika : uchebnik [Forensics : A textbook]. Moscow; 1995. (In Russ.)
39. Yablokov NP. [Forensic characterization of crimes as an integral part of the general criminalistic theory]. *MSU Vestnik*. Series 11: Law. 2000;2. (In Russ.)